

Любич-Кошуров Иоасаф Арианович

**Чернокнижник Молчанов в Москве в 1613
году**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И75

И75 **Иоасаф Арианович Л.**
Чернокнижник Молчанов в Москве в 1613 году / Любич-Кошуров Иоасаф Арианович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 52 с.

ISBN 978-5-519-94420-5

ISBN 978-5-519-94420-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Глава I.

— Приѣхали, — сказалъ мужикъ въ нагольномъ бараньемъ тулупѣ, повернувшись къ сѣдоку и отворачивая воротникъ тулупа. Онъ смотрѣлъ на сѣдока въ полуоборотъ черезъ плечо изъ-за края воротника однимъ глазомъ, придерживая отвернутый уголь воротника рукой въ кожаной желтой рукавицѣ.

Была ночь и былъ жестокий морозъ.

Заскрипѣли ворота. Ихъ отворилъ настежь и сталъ къ сторонѣ, держа въ рукахъ длинный квадратный шестъ, челоуѣкъ въ такомъ же нагольномъ тулупѣ, какой былъ на мужикѣ, привезшемъ сѣдока, только одѣтомъ не въ рукава, а накинутаго на голову.

— Поѣзжай во дворъ, — сказалъ сѣдокъ глухо изъ глубины медвѣжьяго воротника своей, крытой синимъ сукномъ, шубы, взявшись обѣими руками за края воротника, немного пораздвинувъ ихъ противъ рта и сейчасъ же опять закрывшись.

Мужикъ задергалъ возжами.

Лошади протянули сани черезъ наметенный у воротъ сугробъ. Снѣгъ визжалъ подъ полозьями.

Человѣкъ, отворившій ворота, когда лошади, окруженные спереди по самыя колѣни бѣлымъ паромъ, клубившимся внизъ на грудь отъ ихъ мордъ, продвинули сани дальше, пошелъ рядомъ

съ санями, держась за оглобли, и, оглянувшись на сѣдока, сказалъ вполголоса, нагнувшись къ возчику:

— Енъ самъ?

Но возчику некогда было отвѣчать на этотъ вопросъ, потому что онъ не рѣшилъ еще—везти ли ему сѣдока прямо къ господскому дому, или высадить тутъ, посреди двора. Потихоньку онъ натягивалъ возжи, хотъ и покрикивалъ на лошадей:

— Но! Но!

Про сѣдока онъ зналъ, что онъ дворянинъ, «только не изъ важныхъ», проживаетъ у боярина Салтыкова, а своего имѣнія никакого не имѣетъ.

Остановить лошадей посреди двора будетъ, пожалуй, не совсѣмъ какъ слѣдуетъ, но то же не совсѣмъ какъ слѣдуетъ будетъ и везти сѣдока къ дому. Не великъ куликъ... Только и есть, что салтыковскій. Если бы не салтыковскій, тогда другой разговоръ: посадить бы у воротъ на улицѣ.

Раздумывая такъ, онъ потихоньку все больше натягивалъ возжи, чтобы лошади шли медленнѣе, хотя по-прежнему и покрикивалъ на нихъ и понокивалъ, и покрикивалъ:

— Вытягивай, милыя!

Визжалъ снѣгъ, шуршала по снѣгу насланная въ сани солома. Со стороны

могло показаться, что лошадямъ необычайно тяжело. Имъ, и правда, было нелегко идти на натянутыхъ возжахъ.

Вдругъ они остановились.

— Загрузли,—сказалъ возчикъ, обернувшись къ сѣдоку.

Сзади скрипѣли ворота.

Отъ мѣсяца на дворѣ было совсѣмъ свѣтло. Мѣсяцъ свѣтилъ черезъ крышу сарая прямо въ ворота, покрытыя бѣлой изморозью. Ворота искрились голубыми блестками.

Ясно около воротъ была видна фигура въ бѣломъ тулупѣ, накинутаго на голову, и синяя тѣнь отъ нея на воротахъ.

Ставъ въ саняхъ на ноги, возчикъ крикнулъ черезъ голову сѣдока къ воротамъ:

— Антонъ, эй! Иди сюда! Проводи его милость до хоромъ. Не идутъ дальше, окаянная сила.

Подпирая ворота шестомъ, Антонъ откликнулся:

— Сейчасъ!

Сѣдокъ отложилъ на плечи воротникъ у шубы, перегнулся черезъ грядку саней и смотрѣлъ внизъ на снѣгъ. Возчикъ только мелькомъ и вскользь кинулъ на него быстрый взглядъ и опять закричалъ Василию:

— Скажи на милость, среди двора стали.

— Что, не идутъ дальше?—сказалъ сѣдокъ, продолжая глядѣть внизъ. Но сказалъ онъ это немножко не такъ, какъ надо; похоже было на то, будто онъ поперхнулся.

Должно быть, онъ все очень хорошо понималъ, хотя и прикинулся, что вѣрить возчику, будто лошади загрузли въ снѣгу и оттого остановились.

— Запарились,—отвѣтилъ ему возчикъ, но тоже не такъ, какъ говорятъ правду: онъ будто выбросилъ это слово, какъ украденое, и поскорѣй, чтобы

не замѣтили, спрятался за чужую спину—заговорилъ сейчасъ же снова съ Антономъ, словно отбѣжалъ въ сторону отъ опаснаго мѣста.

Онъ ему говорилъ:

— Скажи на милость, какъ не кормленныя!.. И диви бы дорога дальняя... Ахъ, ты, Господи!

Подойдя къ санямъ съ той стороны, гдѣ сидѣлъ сѣдокъ, и, остановившись тутъ лицомъ къ сѣдоку, а спиной къ возчику, Антонъ сказалъ:

— Да оно и не ближняя... И не ближняя, и не дальняя. — Онъ смотрѣлъ на сѣдока изъ-подъ своего накинутаго на голову тулупа и отвѣчалъ возчику не оборачиваясь. Онъ разглядывалъ сѣдока безъ всякаго стѣсненія, нисколько не пряча отъ него своего любопытства.

— И не ближняя, и не дальняя,—повторилъ за нимъ возчикъ.—Ахъ, ты, Господи!

И хлопнулъ руками по тулупу.

У сѣдока было худое, продолговатое лицо, безъ бороды, съ одними только усами, висѣвшими книзу. Губы были тонкія и острый длинный подбородокъ.

— Ладно!—сказалъ онъ.—Гдѣ тутъ пройти?..

Подобравъ полы шубы, онъ поднялся съ краю саней, посмотрѣлъ подъ ноги, выбирая мѣсто, гдѣ сойти.

Потомъ онъ потянулъ Антона за рукавъ тулупа и оперся объ его плечо.

— Ну-ка!..

Антонъ рассказывалъ потомъ, что когда салтыковский дворянинъ оперся объ его плечо, у него было такое ощущение, будто на плечо къ нему вспрыгнула большая лягушка,—хоть на немъ и былъ тулупъ, и вспрыгни къ нему въ самомъ дѣлѣ лягушка, онъ этого не замѣтилъ бы черезъ тулупъ.

Антонъ очень хорошо зналъ, кого это среди ночи привезли къ его господамъ.

Старый бояринъ ужъ давно хворалъ, а сегодня у него поднялась икота съ самого утра. И въ домѣ оттого, что бояринъ, лежа у себя на постели, икалъ такъ громко, какъ не икаютъ обыкновенно здоровые люди, стало жутко...

И потому привезли этого дворянина, Молчанова по фамиліи, долго жившаго въ Польшѣ и научившагося тамъ вѣдовству по чернымъ книгамъ.

Тамъ, въ Польшѣ, Молчановъ и бороду обрилъ, какъ нарочно: чтобы видѣли всѣ его тонкія губы и острый подбородокъ.

Антонъ плевался, когда рассказывалъ въ людской избѣ про то, какія губы у Молчанова и какой подбородокъ. И видно было, что ему дѣйствительно противно вспоминать про этотъ голый подбородокъ, и онъ плюется не потому, чтобы показать, какъ ему противно, а

оттого, что во рту собирается слюна, какъ когда въ ротъ возьмешь что-нибудь кислое или горькое.

Онъ проводилъ Молчанова отъ саней до сѣней господскаго дома и оставилъ его тамъ стучаться въ дверь, какъ онъ хочетъ. А самъ ушелъ къ сараю помочь распрягать лошадей возчику.

Возчика звали Никифоръ.

— Никишка!—окликнулъ онъ возчика, подходя къ сараю.—Ты тутъ?

Подъ сараемъ было темно.

— Тута!—сказалъ Никифоръ изъ-подъ сарая.

Антонъ громко, на весь дворъ, плюнулъ.

— Тьфу!

— Да ужъ что и говорить,—отозвался Никифоръ, очевидно, понявъ его очень хорошо, хотъ онъ и не сказалъ ни слова, а только плюнулъ.

Глава II.

Дверь Молчанову отворилъ молодой человѣкъ, круглолицый, румяный, съ русыми въ мелкихъ завиткахъ, какъ у барашка, волосами на головѣ и съ серебряной въ видѣ колечка серьгой въ ухѣ.

На немъ была красная рубашка съ очень высокимъ, почти до ушей воротомъ, расшитымъ бисеромъ и туго охватывавшимъ полную бѣлую шею. И, можетъ быть, оттого такъ румяны, почти красны, были круглыя, немного вздрагивающія, когда онъ ходилъ, щеки у молодого человѣка, что тѣсный съ бисернымъ шитьемъ воротъ его рубахи болѣе, чѣмъ слѣдовало, туго стягивалъ ему шею.

Все на этомъ румянѣ до-красна лицѣ было кругло: подбородокъ, отъ полноты уже начинавшій двоиться, щеки, носъ... И глаза были круглые, сѣрые, безъ рѣсницъ и бровей и немного тоже словно отъ натуги вытаращенные.

Молчановъ сперва принялъ было его за хозяйскаго сына, такъ какъ слышалъ, что хозяйскій сынъ слыветъ на Москвѣ красавцемъ не изъ послѣднихъ. На его взглядъ молодой человѣкъ вовсе не былъ красивъ. Мужскую красоту онъ понималъ по-иному. Но онъ прикидывалъ московскую мѣрку...

При полнотѣ своей, при круглыхъ

своихъ плечахъ и мягкихъ бѣлыхъ пухлыхъ рукахъ съ короткими пальцами, молодой человѣкъ былъ очень вертлявъ и подвиженъ, хотя и казался съ перваго взгляда сырымъ, вялымъ, какъ зарумянившійся только сверху, но не пропеченный какъ слѣдуетъ и немного расплзшійся, оттого что его рано вынули изъ печи, пшеничный каравай.

Молчановъ вернулся въ Москву совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ изъ нея уѣхалъ.

Боярскому холопу Антону было противно видѣть его голый подбородокъ.

А Молчанову было противно смотрѣть, съ какими вывертами, потопывая сафьянными сапогами, заложивъ одну руку за спину ладонью наружу, прохаживались гдѣ-нибудь въ Кремлѣ, въ приказныхъ переднихъ или въ сѣняхъ у большихъ бояръ вотъ такіе молодые люди, похожіе на слобныя лепешки, въ которыя не пожалѣли положить ни сахару, ни масла, ни сметаны, чтобы потомъ было на что и самимъ порадоваться, и чужимъ людямъ, заморскимъ гостямъ, показать.

Молодой человѣкъ оказался совсѣмъ не хозяйскимъ сыномъ, а такимъ же приживателемъ изъ дворянъ, какимъ былъ и самъ Молчановъ.

Когда онъ отворилъ дверь и посторонился, чтобы его пропустить, Молчановъ

увидѣлъ большую квадратную комнату съ низкимъ изъ еловыхъ бревенъ потолокомъ и двумя маленькими окошками по одному въ каждой стѣнѣ, выходившими, какъ можно было предполагать, на дворъ. Въ двухъ другихъ стѣнахъ были двери.

Посрединѣ комнаты была печь, сложенная на голландскій образецъ, безъ лежанки, облицованная изразцами и съ мѣднымъ круглымъ, очень большимъ, чуть не въ тарелку величиною, отдушникомъ.

Впрочемъ и сама печь была велика, и голландскаго въ ней, пожалуй, было только это мѣдный отдушникъ... Кладъ печь, должно быть, свой печникъ, можетъ быть, видѣвшій голландскія печи, а можетъ быть только о нихъ слышавшій. И потому у него такъ и вышло не совсѣмъ ладно. Какъ нѣмецкій кафтанъ, сшитый московскимъ швецомъ... И пуговицу къ этому кафтану, этотъ мѣдный отдушникъ, тоже пришили, лишь бы было ее видно издали и можно было бы по ней одной узнать, по этой пуговицѣ, что работа нѣмецкая.

Вдоль всѣхъ стѣнъ комнаты стояли широкія лавки. Направо отъ входа, подъ образами стоялъ дубовый очень длинный столъ. Столъ былъ накрытъ скатертью. За нимъ, должно быть, только-что ужинали. Скатерть была въ пятнахъ отъ расплесканнаго изъ ложекъ варева, усыпаннаго хлѣбными крошками, и посрединѣ стола стояла оловянная чашка съ собранными въ ней огрызками хлѣба, оглоданными костями и тоже оловянными же, какъ и чашка, ложками.

Комната была жарко натоплена, и отчего-то въ ней было чадно, или это была сырость, скоплявшаяся крупными каплями на потолокъ, какъ въ банѣ, и тяжелымъ туманомъ стоявшая въ воздухѣ... Огарокъ сальной свѣчи, горѣв-

шій въ мѣдномъ подсвѣчникѣ на столѣ, освѣщалъ плохо комнату.

Нѣсколько синихъ и зеленыхъ растегнутыхъ кафтановъ съ красными и малиноваго цвѣта шелковыми рубашками подъ ними, нѣсколько лицъ, потныхъ и красныхъ послѣ недавняго ужина, маячили въ этомъ чаду или въ этой сырости, проникавшей воздухъ сизой мутью.

Оглядѣвшись, Молчановъ сообразилъ, что онъ находится скорѣе всего среди боярскихъ дворянъ, которымъ за бояриномъ «тепло и не дуется». И оттого всѣ они такіе щеголи... За боярскихъ гостей, какихъ-нибудь тоже бояръ, собравшихся навѣстить больного, ихъ никакъ нельзя было принять. Для этого одѣты они были не достаточно богато. И кромѣ того, если бы они были гости, имъ на столъ подали бы что-нибудь получше оловянной миски.

Самое большее, чѣмъ еще они могли быть, такъ это дальними боярскими родичами.

Но ихъ было много, не меньше десяти человѣкъ.

Они обступили Молчанова кругомъ, когда онъ раздѣлся...

На образа онъ не сталъ креститься и на немъ былъ польскаго покроя кафтанъ, съ пристегнутой къ поясу не польской, однако, саблей, а длинной прямой рапирой.

Онъ положилъ руку на эфесъ рапиры и молча посмотрѣлъ пристальнымъ взглядомъ поочередно въ глаза тѣмъ, кто стоялъ къ нему ближе.

Глаза у него были глубокіе и черные, и если всмотрѣться въ нихъ, то они понемногу начинали казаться лишенными зрачковъ. Будто зрачки расплывались и оставалась одна чернота. Будто смотрѣлъ человѣкъ не въ глаза другому человѣку, а въ какую-то переливающую-

ся и колышашуюся темъ, какая бываетъ ночью въ проруби.

И чудилось,—глубоко тамъ! И отъ сознанія, что тамъ темно и глубоко какъ въ безднѣ, становилось жутко и страшно и хотѣлось отойти прочь.

Тамъ... Гдѣ тамъ? Въ его глазахъ? Но что можетъ быть въ глазахъ?

Но его глаза были какъ черныя окна, сквозь которыя смотрять въ глубину ночи. Ночь была за ними... Не ночь, а жуткая ночь...

Онъ умѣлъ дѣлать такіе глаза, давалъ имъ такое выраженіе. А можетъ быть, вперивъ въ человѣка этотъ свой

жуткій взглядъ, онъ показывалъ ему свою душу:

— Гляди, каковъ я...

Онъ-то зналъ, каковъ онъ!.. И такъ какъ это желаніе показать человѣку, каковъ онъ самъ въ себѣ, было велико въ немъ, онъ могучимъ усиліемъ воли какъ бы выходилъ передъ человѣкомъ самъ изъ себя...

Про его глаза, и правда, говорили, что они безъ зрачковъ и будто въ нихъ «ворочается» что-то какъ живое, а что—не разглядишь, потому что въ глазахъ у него черно, какъ если бы въ нихъ налили чернилъ или конопляного масла.

Глава III.

— Кто же меня проводитъ до боярина?—сказалъ Молчановъ.

Ему никто не отвѣтилъ. Кое-кто отошелъ отъ него и тихонько сталъ къ сторонѣ.

Другіе продолжали его разсматривать, и многимъ пришла въ голову мысль: зачѣмъ онъ понадобился боярину?

Въ домѣ, на женской половинѣ жила старуха, бывшая мамка, выкормившая боярскихъ дѣтей. Эта старуха, когда бояринъ слегъ и на него напала икота, говорила шепотомъ въ сѣняхъ съ коровницей, приносившей въ хоромы молоко: оттого икаетъ бояринъ, что его душенька хочетъ, да не можетъ разстаться съ тѣломъ.

А отчего не можетъ?

Люди, которыхъ Молчановъ принималъ за боярскихъ дворянъ и которые дѣйствительно частью были дѣти мало-земельныхъ помѣщиковъ, искавшіе около боярина чиновъ и должностей, а частью жили при немъ по дальнему родству, про мамкины слова знали отъ сѣнныхъ дѣвушекъ.

Отчего, правда, бываетъ иногда душѣ трудно разстаться съ тѣломъ, хотя оно и хочетъ этого?

И тутъ у боярскихъ дворянъ невольно возникалъ новый вопросъ: ужъ не для того ли позвалъ бояринъ Молчанова, чтобы онъ помогъ его душѣ выйти изъ тѣла?

И когда въ ихъ комнатѣ, гдѣ они

жили какъ у Христа за пазухой, въ теплѣ и холѣ, и по-своему хорошѣли день ото дня, расцвѣтая какъ маковы цвѣты на тучномъ огородѣ на боярскомъ харчѣ и питѣ, появился этотъ странный челоуѣкъ, со странными глазами, одѣтый по-польски, а не полякъ и тоже не свой, хотя и московскій,—имъ стало не по себѣ, обуяла ихъ жуть... Отъ боярина имъ было наказано: «немедля», какъ привезутъ они изъ Салтыкова дворянина Молчанова, дать о томъ знать «на боярскій ярусъ».

Объ этомъ, о томъ, чтобы его провели на боярскій ярусъ, съ ними и заговорилъ Молчановъ, едва переступивъ порогъ. Но прошло достаточно времени, прежде чѣмъ одинъ изъ нихъ сдѣлалъ шагъ впередъ и, глядя въ лицо Молчанову широко открытыми глазами, произнесъ:

— А?..

И такъ и остался съ полуоткрытымъ ртомъ и не мигалъ вѣками, продолжая смотрѣть на Молчанова какъ раскрашенная кукла, у которой испортился механизмъ, двигающій вѣками, настоящими стеклянными глазами.

Молчановъ сталъ крутить усь концами двухъ пальцевъ: большого и указательнаго. Покрутилъ усь и принялся крутить другой.

А боярскій дворянинъ, совсѣмъ еще юноша и какъ двѣ капли воды похожій

на того, который отворилъ Молчанову дверь, только не русый, а брюнетъ, стоялъ передъ нимъ неподвижно, лишь шевелилъ пальцами...

И неподвижны все такъ же были его остеклянѣвшіе глаза, широко разверзтые, съ остановившимися какъ-разъ посрединѣ бѣлковъ зрачками.

— Проводите меня къ боярину,—сказалъ Молчановъ, переставъ крутить усы.

Это, должно быть, напомнило юному дворянину про то, что говорила старая мамка коровницѣ... Его ротъ раскрылся еще шире, и въ глазахъ, въ которыхъ до этого момента не было почти никакого выраженія, заблестѣлъ вдругъ ужасъ. Они ожили.

На круглыхъ щекахъ потухъ румянецъ, и губы побѣлѣли.

— Чего?—сказалъ онъ и въ первый разъ коротко мигнулъ вѣками. Пальцы у него зашевелились быстро. Онъ подобралъ немного отвисшую нижнюю губу, закусилъ ее и вмѣстѣ съ тѣмъ, судорожно согнувъ пальцы на обѣихъ рукахъ, прижалъ ими къ ладонямъ изъ-за рукавовъ своего голубого полукафтаны.

Онъ былъ теперь похожъ на большого ребенка и такимъ именно и казался Молчанову въ своей шелковой изъ малиноваго шелка рубахи и въ голубомъ полукафтаны.

Молчановъ ударилъ ладонью по эфесу рапиры и возвысилъ голосъ:

— Гдѣ бояринъ?

На его блѣдномъ, худомъ лицѣ выступилъ слабый румянецъ, тонкія губы скривились.

— Ну?—произнесъ онъ, сдвигая брови, и повелъ глазами по комнатѣ.— Проводите меня къ нему.

И быстро повернулъ голову въ сторону одной изъ дверей, потому что эту дверь отворялъ кто-то.

Того, кто отворялъ ее, не было вид-

но,—видны были только пальцы руки, ее отворявшей и державшей за ея край немного повыше ручки.

Дверь отворилась тихо, и тихо вошла та самая старая мамка, что рассказывала коровницѣ, какъ трудно бываетъ иногда душѣ разставаться съ тѣломъ...

Голова у нея была повязана чернымъ платкомъ. На плечи былъ накинута тоже черный платокъ, спускавшійся съ плечъ почти до полу.

Войдя, она низко поклонилась всѣмъ, кто былъ въ комнатѣ, кромѣ Молчанова.

Къ Молчанову она стала спиной.

— Чего испужался?—заговорила она и закачала головой.—Диви бы что, а то... тѣфу!..

И, нагнувъ голову немного внизъ и немного вбокъ, сдѣлала видъ, будто плюнула назадъ, въ ту сторону, гдѣ стоялъ Молчановъ, не поворачиваясь къ нему, а только поглядѣвъ себѣ подмышку.

Если бы она дѣйствительно плюнула, то и плевокъ бы пришелся ей тоже подмышку.

Она обращалась къ тому молодому человѣку, съ которымъ говорилъ Молчановъ...

Она продолжала:

— А человѣкъ пріѣхалъ, надо сказать... Эхъ, ты, погляжу я на тебя!.. Какой ты будешь, приказный али воинъ?

Тутъ она повернулась къ Молчанову. Она ему сказала:

— Здравствуй, и ты.

Но опять ему не поклонилась, а, на оборотъ, выпрямила станъ и запрокинула голову. Длинный ея платокъ при этомъ нижнимъ краемъ совсѣмъ легъ на полъ.

Ростомъ она была маленькая и смотрѣла на Молчанова снизу вверхъ.

— Ты за мной, что-ль, пиголица?—сказалъ Молчановъ.—Здравствуй, бабка!

Глава IV.

Бояринъ лежалъ въ небольшой комнаткѣ съ оштукатуренными стѣнами.

На стѣнахъ масляными красками были нарисованы цвѣты въ вазахъ, а на потолкѣ, покрашенномъ въ синій цвѣтъ, были изображены серебромъ и золотомъ луна и звѣзды.

Расписывалъ комнатку суздальскій мастеръ, хотя и не монахъ, а носившій монашескій подрясникъ. И хотя цвѣты въ вазахъ и небо съ луной и звѣздами были безспорно свѣженькій сюжетъ,— было въ нихъ что-то такое, что сразу напоминало объ иконахъ. Виталъ въ этой комнатѣ духъ какой-то неуловимый, оставленный здѣсь этимъ человекомъ въ подрясникѣ, напѣвавшимъ духовныя пѣсни, когда тщательно тоненькой кисточкой онъ выписывалъ выведенные по циркулю желтые лепестки цвѣтовъ и жилки на листьяхъ, расположенныхъ симметрично на прямыхъ, какъ стрѣлки, стебляхъ.

Онъ, этотъ мастеръ, словно вписалъ въ стѣны эти свои стихиры духовныя, и онѣ вѣяли какъ неслышный вѣтеръ среди этихъ цвѣтовъ, подобныхъ которымъ не найдешь ни въ лѣсу, ни въ полѣ и нигдѣ на землѣ.

Боярину недаромъ говорили другіе бояре, у него здѣсь бывшіе:

— У тебя какъ въ раю.

Когда бояринъ захворалъ и недужилось ему все больше и больше, онъ сталъ видѣть во снѣ какъ-разъ такіе цвѣты, только не въ вазахъ, а растущіе на какой-то розовато-желтой землѣ.

И отъ цвѣтовъ шелъ видимый ароматъ, вродѣ кадильнаго дыма, и ароматъ этотъ очень напоминалъ запахъ кипариса и былъ пріятнаго голубого цвѣта.

Цвѣты не колыхались отъ вѣтра, а стояли прямо, какъ свѣчи.

И откуда-то сверху, гдѣ медленно двигались въ сіяющей синевѣ звѣзды, луна и солнце, слышалось пѣніе...

Но нельзя было разобрать, что пѣли, какъ ни прислушивайся, потому что пѣли по-особенному, какъ не поютъ на землѣ...

И будто идетъ бояринъ между этихъ цвѣтовъ, благоухающихъ кипарисомъ, и вдругъ—передъ нимъ желѣзная дверь. Иногда—дверь, иногда—гора, а то — пропасть...

И выходитъ откуда-то скелетъ и щелкаетъ на боярина зубами.

Нѣтъ у этого скелета тѣла,—однѣ кости. Нѣтъ у него ни языка, ни гортани. Но, протягивая къ боярину руки, онъ двигаетъ челюстями, и тамъ у него въ безъязычномъ рту вспыхиваютъ какъ огонь, когда ударить огнемъ о кре-

мень, слова, которыя бояринъ не слышитъ, а видитъ какимъ-то непонятнымъ образомъ.

И слова эти жгутъ его, обвиваясь вокругъ ногъ какъ огненные цѣпи, впиваясь въ тѣло какъ огненные иглы, проникають въ его жилы и разливаются по всему тѣлу.

Говорить скелетъ:

— Дождался-таки, я тебя! Думаешь, отступлюсь! Нѣтъ, не отступлюсь. И ни отъ кого изъ васъ не отступлюсь. Вы забыли, должно быть, что вы всѣ будете когда-нибудь тамъ, куда насъ спихнули! Ты думаешь, мало насъ! Хочешь, покажу!..

— Не надо!—кричитъ бояринъ.— Да воскреснетъ Богъ!

Онъ просыпался всегда, когда ему удавалось крикнуть это, но за послѣднее время это становилось все труднѣе... Словно у него пропадала понемногу способность выражаться языкомъ.

И этого онъ боялся.

Онъ боялся, что у него отнимется языкъ, во снѣ ли, на яву ли—все равно.

Тогда, значить, смерть... Они всѣ придутъ. Всѣ, которые тамъ...

И онъ послалъ за Молчановымъ.

На Москвѣ Молчановъ былъ извѣстенъ не только какъ человѣкъ, занимающійся вѣдовствомъ, но и какъ лѣкарь.

Нѣкоторые называли его «магикомъ», хотя значеніе этого слова и было не вѣсмъ и не совѣсмъ ясно.

Въ ожиданіи Молчанова бояринъ велѣлъ зажечь передъ иконами во всемъ домѣ лампы, а изъ своей комнаты иконы велѣлъ вынести.

Но тамъ, все равно, остался написанный на потолокъ и стѣнахъ рай: эти невѣдомыя земли, цвѣты и это небо съ золотыми звѣздами и такое синее, какимъ никогда не бываетъ земное небо.

И боярину было легко, хотя и каза-

лось ему, что его комната теперь безъ хозяина.

Безъ иконъ ему было жутко, но иначе нельзя было. Онъ зналъ порядокъ: Молчановъ требовалъ, когда его приглашали къ больному, чтобы иконы выносили.

Лечилъ онъ по-своему—не лѣкарствами, хоть иногда и давалъ лѣкарства. Онъ спрашивалъ у больного:

— Боишься ли духа, котораго вы называете злымъ?

И тутъ онъ бралъ больного за руку и погружалъ въ его глаза свой черный, какъ у ночи, взглядъ.

— Боишься ли?

И, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ:

— Онъ—истинный царь на землѣ. Развѣ ты видѣлъ когда-нибудь, чтобы кто-нибудь здѣсь на землѣ достигалъ богатства и почестей добрыми дѣлами? Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ. Это кто сказалъ? Это люди сказали! Значить, это правда. Это вы про самихъ себя сказали.

Онъ вколачивалъ эти слова какъ гвоздь въ мозгъ больного и словно прижигалъ ихъ тамъ, въ мозгу, тяжелымъ своимъ, отъ котораго дышать становилось трудно, взглядомъ.

— Ему мы служимъ,—продолжалъ онъ дальше и клалъ другую руку на лобъ или на темя больному.

И больной чувствовалъ, что онъ весь во власти этого человѣка и этотъ человѣкъ властенъ надъ его болѣзною и можетъ ее изгнать, если того пожелаетъ.

Но Молчановъ говорилъ:

— Его силой я могу усугубить въ тебѣ твою хворость, могу тебя и на ноги поставить... Вѣришь ли?

Но больной и раньше въ него вѣрилъ. Вѣрилъ, когда еще его не видѣлъ, а только слышалъ о немъ.